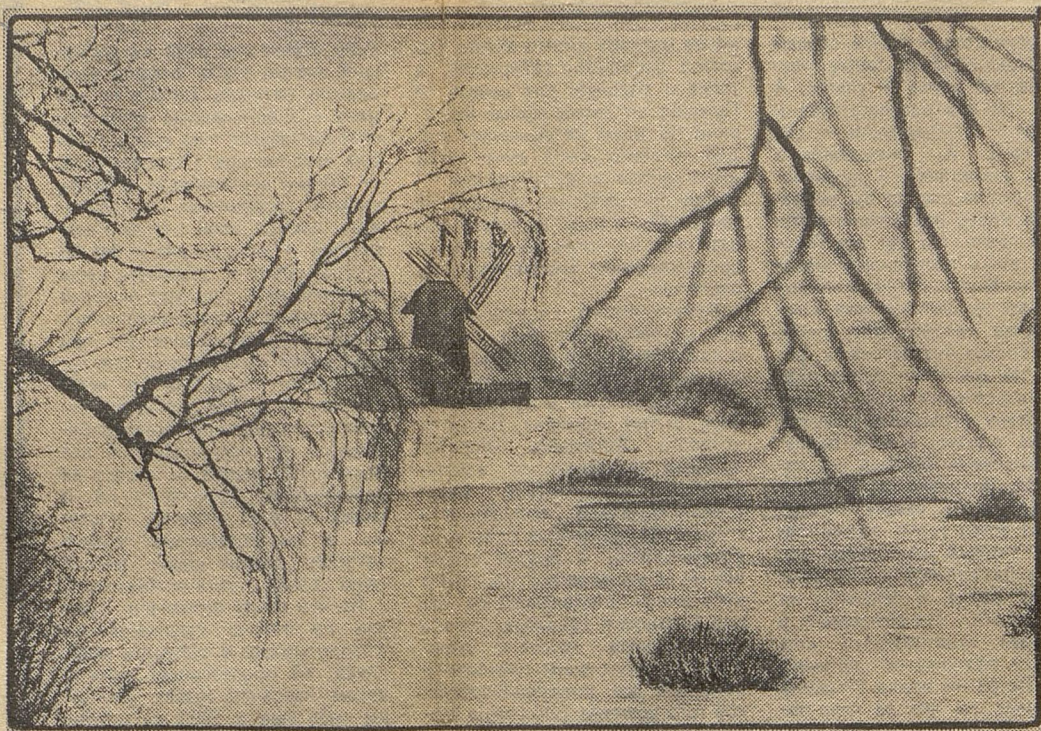

Семену Степановичу
ГЕЙЧЕНКО,
славному хранителю
Пушкинского заповедника,
исполняется 80 лет.
Хранителю памяти
великого поэта,
хранителю одного из самых
святых уголков земли
русской...
Гейченко носит звание
заслуженного работника
культуры РСФСР.
В пору удостоить его
и другого звания —
заслуженного работника души,
ибо неоценимо то,
что совершает он
для духовного становления
и самосознания
многих тысяч паломников,
приезжающих к Пушкину
испытать воздуха поэзии
под сенью аллей
Михайловского.
Плоды деятельности
Семена Степановича —
и эти аллеи,
и замечательные книги его,
дышащие умной и нежной
любовью к первому поэту
России.
Посвятивший жизнь
и сердце Пушкину,
Гейченко талантлив во всем.
Талантлив он
и в письмах своих,
разлетающихся
светлыми птицами
из-под михайловской кровли
во все стороны света.
Перелистывая их страницы,
и писал псковский критик
Валентин Курбатов
эти заметки,
предлагаемые
нашим читателям
накануне юбилея
Черного пушкинского рыцаря.

«А у нас, в Михайловском...»

ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ нас
сохранять дружеские
письма? Об этом не
думавший — рука сама
бережно сворачивает
лист и присоединяет к
другим, пока однажды не уви-
дишь, что ящик стола полон и
в чем-то надо прощаться, чтобы
освободить место новым стра-
ницам. И вот тут-то, перебирая
желтеющие листы, вдруг оста-
навливаешься в изумлении — с
письмами что-то случилось, они
словно уже не принадлежат те-
бе. Явилась в них какая-то тре-
бовательная суверенность, кото-
рая не позволяет тебе обращаться
с ними по своему произволу.

Да и сам ты словно чужими
глазами смотришь на некогда
живые, сиюминутные строки. И
когда попытаешься осознать
смутное свое чувство, вдруг
поймешь, что между тобою и
листом стоит история. Да, обык-
новенная история, которую мы
привыкли видеть переплетенной
в учебники и исследования. А
вот, оказывается, и простые по-
вседневные весточки друзей уже
оторвались от нас и живут во
времени сами собою, храня сви-
детельства быта и психологии,
культуры и общественных движе-
ний тех или иных лет и десяти-
летий.

Поднимешь руку бросить пись-
мо, а потом взглянешь на него
глазами человека, который слу-
чайно наткнется на эти строки
лет через 50, и рука опустится —
каждое слово наполнится
смыслом, и все окажется доро-
го: и что читал человек, и о чем
думал, и что видел и слышал, и
какая была погода. Никакой па-
мятник археологии не скажет
больше этих обыденнейших
строк.

И уж вдвойне дороги они,
когда написаны людьми, играю-
щими большую или малую роль
в культуре общества, в пове-
седневном этическом и художест-
венном становлении мира.

Я думаю об этом, получая
письма от Семена Степановича
Гейченко, в которых шумит и
цветет живое пушкинское Ми-
хайловское. Я люблю «пейзажи»
этих писем, слежу за сменой
времен года в них, за ветром и
птицами и вижу, как письма
двоятся и светлая тень Пушкина

соседствует в строках с прак-
тическим взглядом хранителя.

«К нам в Святогорье пришла
наконец-то весна! Ручьи сли-
лись с реками, реки уплыли в
озера, и все стало, как океан-
море! Купы из с утра до ночи
купаются. За тенью гонятся
дикие утки и перелетные гуси.
Как инопланетные воздушные
липендрины, спускаются с неба
туманы... Через две недели это
го ничего не будет, а будет
обычное красивое, но извест-
ное-преизвестное!»

Но прошла неделя, и из ново-
го письма я увидел, что вместо
«обычного и известного» —

«в ночь с 10 на 11 мая в За-
поведнике началось светопре-
ставление. Пришли египетская
тьма, ветер и такой огромный
снегопад, какого не видывал я
прежде никогда и никто мне
про эдакое не рассказывал! Это
было какое-то «чуждое обла-
ко, озеро и стозвон». К концу
светопреставления в михайлов-
ских рощах лежали сотни сло-
жанных, вывороченных с кор-
нем, поваленных сосен и берез!
Всюду лежали погибшие дроз-
ды, зяблики, скворцы, мухолов-
ки и разная дружная пичужка.
Я вначале завыл, как собака,
почуявшая покойника. Потом
смирился и завертелся. Стал
звать на помощь людей, чтобы
пока навести благолешие хотя
бы там, где люди идут, где го-
ре особенно круто бросается в
глаза».

Все мы в письмах поминаем
погоду, но разве это та погода,
которую городской человек дер-
жит как светское орудие, как
спасательный круг, когда он пло-
хо плавает в беседе, когда по-
года — тема, прием, жест, не бо-
лее. Деревенский человек зави-
сит от того, что на дворе, более
осознанно. Я не говорю о кре-
стьянине, но о просто долго жи-
вущем среди полей человеке. От
погоды зависит, навестит ли он
друзей или его — друзья, будет
ли светла душа и, значит, будет
ли работать, и ведь, посмотрите,
и Пушкин как за письмо
сядет, так в окно и поглядит,

Семен ГЕЙЧЕНКО.

Фото В. КОРНЕЕВА

«...А я наслаждаюсь душиным
запахом смолистых почек ба-
рез, под кропилищею псков-
ского неба, и жду, чтоб Некто
повернул сверху кран и золо-
тые дожди остановились».

«...У нас осень, дождик шу-
мит, ветер шумит, лес шумит
— шумно, а скучно».

В другие окна на те же пей-
зажи глядит через полтора сто-
летия другой человек, и как эхо
отзываются пушкинские «мете-
рологические» примечания:

«Лето у нас кончилось. Сра-
зу и круто началась осень. Все
разъехались. Пошли дожди.
Вновь началось наше одиноче-
ство (но тут же с обыкновен-
ной улыбкой), и все-таки дома
лучше, чем в Москве. Там су-
ета. Там лешие бродят, Русалки
повсюду. Полно невиданных
зверей».

«У нас, в Святых Горах, снег
все валит и валит. Совсем зи-
ма».

«В Михайловском благодать.
Половодье еще в своей власти.
Земля зазеленела, кое-где выле-
зают маргаритки, фиалки, под-
снежники; птицы все в сборе».

А через полгода:

«Из Михайловского удрали
все птицы — дрозды, пополз-
ни, трясогузки и иные прочие.
Остались только ласточки. Бед-
ная пичуга, окоченевшая, она

сидит на плечи, головы па-
ломников, а эти дураки дума-
ют, что... Что они думают-то?
Птицу надо звать поскорее, по-
садить за пазуху, отогреть. Се-
годня мы с художником Во-
лодькой Ивановым так ото-
гнали пять пичуг и посади-
ли их в скворечники».

Интерес михайловского хра-
нителя к птицам и травам не со-
зерцательный. Это любовь, воз-
вышенная благой целью и сози-
данием. Гейченко переписывает
природу Михайловского по пуш-
кинским черновикам. Он слуша-
ет ее сердцем молодого изгнан-
ника, едва оставившего юг, где
цветут иные цветы и поют дру-
гие птицы. Он слушает ее и ус-
талым сердцем анахорета, кото-
рый находит утешение в напеве
иволги, кипении листвы и гово-
ре вод.

А уж следом за ним слышат
ее и бесчисленные корреспон-
денты Гейченко, бессознательно
усваивая ненавязчивый урок
пушкинского доверчивого все-
приятия. Он только смотрит в
окно и пишет о буднях, а чело-
век, вскрывая конверт, слышит
шум ветров в вершинах михай-
ловских рощ, гром дождей, эхо
тригорских прогулок поэта, эхо
его счастливых мистификаций и
розыгрышей, и все это испод-
воль пробуждает в нем те золо-
тые черты, которые в каждом
из нас есть от Пушкина.

Но, конечно, не одни «пейза-
жи» хороши в михайловских
письмах. Главное — там всякой
обновке сыщется место и о каж-
дой будет сказано с нежностью
и улыбкой: то явится роля «в
крахмальном белье», то «биль-
ярд с французским акцентом», а
то и новая часовня («сооруже-
ние вышло ангельское»).

Иногда новость примостится
будто где-то с краешку письма,
но ее все-таки будет сразу вид-
но и о ней будет хорошо ду-
мать.

«Жду из Риги несколько кус-
тов породистой туи. Некий ге-
нерал обещал мне благо».

«Мелиораторы начали выка-
чку ила из Маленца. Думаю, что
годика через два откачка будет
свершена и в души наши при-
дет красота, спокойствие и
мир».

«...готовлю колокола к под-
веске на колокольню Успенско-
го собора».

«... закончил работы по пре-
ображению городища Вороних.
Оно стало похоже на Илью
Муромца, который привалился
на землю подремать, отдохнуть
после поединка».

И почти всегда в этих пись-
мах первенствует улыбка, задор
поддразнивания судьбы, дух ум-
ной игры, утраченный секрет тех
дружеских «арзамасских» пере-
личек, которые так любил ког-
да-то Сверчок — Пушкин.

Таков хранитель Михайловско-
го и в устном общении. Во вся-
кую пору дом Гейченко населен
не только друзьями, но просто
проходим и проезжим людям,
незнакомцами, которым через
час кажется, что они бывали тут
не однажды — так им хорошо,
так дорого незамеченное, а
иногда и сознательно подавляе-
мое в себе детское праздничное
начало, которое раскрывается и
ценится здесь более остальных
добродетелей. Потом гость уже
не забудет этих часов именно
потому, что ему было не просто
хорошо с другими, но хорошо с
самим собой, словно он себя
только тут и узнал как следует.
И так это и есть — он узнал
здесь свое лучшее.

Наклонность к братству, дру-
жеству, озорству и мистифика-
ции словно искала созидатель-
ного применения и рано или
поздно непременно должна бы-
ла привести Гейченко к Пушки-
ну — так блуждает оставленный
звук, пока не попадает в унисон
с другим, подчас очень удален-
ным, и разом словно удваивает-
ся в силе, наполняется и обре-
тает смысл.

Они должны были встретиться
и встретились.

Результаты этой встречи каж-
дый или видел, или может уви-
деть — тут любые слова недо-
статочны. Михайловское, Три-
горское, Петровское — еще не-
давно оставленная войною пу-
стыня, а теперь земля, полная
света, вынырнувшая и обустро-
енная, населенная поэзией и мо-
лодостью, — это создано вместе
с умными помощниками его тер-
пением и волей, это известно
ему до камня, до ветки, до вы-
цветшей литеры на истлевшем
листе.

Музейвед-«домовой» из ред-
кого племени хранителей, ко-
торых следовало бы звать душе-
приказчиками, Гейченко здесь
не директорствует. Он здесь
скорее сорок лет живет. И, пе-
ребирая теперь его письма тех
немногих лет, в которые мы
знакомы, я радостно вижу, как
полнокровна может быть жизнь,
если она верно привита к пуш-
кинской ветви. И когда он ут-
верждает, будто если окликнуть
Пушкина ввечеру у озера Мале-
нец, тот ответится, я верю, что
так оно и есть.

Он окликал. Он знает.

Валентин КУРБАТОВ
ПСКОВ